

Глава 7

На какое-то время Цэнь Цзин уступил свою квартиру Чжун Цзыляну. Когда же выяснилось, что парня избили под мостом из-за женщины, у него мелькнуло желание вышвырнуть его вон, но, вспомнив о дяде Чжуне, он сдержался.

Вилла встретила его тишиной в половине двенадцатого ночи.

День выдался суматошным: сначала банк, где он занимался своими скромными финансами, потом встреча с этим недоразумением по имени Чжун Цзылян. Только сейчас, в тишине дома, он ощутил, как мучительно пуст его желудок.

Тётя Чэнь уже спала, и, не желая её беспокоить, он сразу поднялся наверх.

Цэнь Цзин проснулся от острой боли в желудке. Комната тонула в непроглядной тьме. Он неподвижно лежал с открытыми глазами, и на мгновение ему показалось, что он снова в своей холостяцкой квартире из прошлой жизни. Но потом он поднял руку и в слабом лунном свете, пробивавшемся сквозь окно, разглядел синеватые вены, отчётливо проступавшие на худой коже. И вспомнил, что он больше не тот Цэнь Цзин.

Именно потому, что он больше не был собой, ему и досталось это измученное, хрупкое тело.

Просыпаться посреди ночи от боли в желудке — сомнительное удовольствие.

Цэнь Цзин, нахмурившись, нащупал на тумбочке телефон. Экран показал время: около трёх часов ночи. Он свернулся калачиком, пережидая очередной спазм. За несколько минут пижама пропиталась холодным потом и неприятно прилипла к телу.

Обречённо вздохнув, он сел и, прижимая руку к животу, включил ночник. Тёплый свет окутал комнату мягкой, золотистой дымкой.

Только сейчас, в этом приглушённом сиянии, он заметил детали, которые раньше ускользали от его внимания: репродукцию известного художника на стене, карандаш для чертежей, забытый на письменном столе, неприметное растение на подоконнике. Всё это — следы прежнего хозяина, которые отчётливо проступили, стоило боли немного отступить.

Эта комната была подготовлена для Яо Вэньюя. От этой мысли Цэнь Цзину стало брезгливо. Он поморщился и решительно встал с кровати.

Он выпил лекарство натошак, запив его водой, и, немного придя в себя, решил принять душ. Пусть он и не страдал одержимостью чистотой, но уснуть в липкой от пота одежде было невозможно.

В ванной, окутанный клубами пара, Цэнь Цзин стоял под струями воды с закрытыми глазами. Не прошло и двух минут, как на него обрушился ледяной поток.

Сейчас, конечно, не трескучие морозы, но такой контраст всё равно был невыносим. Он яростно подёргал переключатель, но тщетно.

— Чёрт! — выругался он и, смирившись, сорвал с вешалки белое полотенце.

Двухэтажная вилла в китайском стиле, купленная Хэ Цыдуном, включала в себя террасу на крыше и цокольный этаж. Цэнь Цзин решил поискать гостевую комнату с работающим душем.

Но, выйдя в коридор, он замер, наткнувшись на Хэ Цыдуна со стаканом в руке.

— Что ты здесь делаешь? — вырвалось у Цэнь Цзина.

Он посмотрел на дверь, из которой вышел Хэ Цыдун, — это был его личный кабинет, и свет там всё ещё горел.

«Разве он не должен быть со своим драгоценным любовником?»

Хэ Цыдун был в тёмно-синей шёлковой пижаме, в руке держал кофейную чашку. Вид у него был такой, будто он собирался работать всю ночь. Цэнь Цзин понятия не имел, когда тот вернулся.

Он стоял неподвижно, ожидая реакции.

Хэ Цыдун смерил его оценивающим взглядом и нахмурился:

— Почему ты не спишь в такое время?

Цэнь Цзин с мокрыми, всё ещё капающими волосами, в промокшей пижаме, которая в области живота прилипла к телу, понимал, что выглядит сейчас жалко и нелепо.

«Наверняка он подумает, что я пытаюсь его соблазнить».

Когда взгляд Хэ Цыдуна опустился на его босые ноги, Цэнь Цзин счёл нужным объясниться:

— В моей комнате нет горячей воды.

Хэ Цыдун перевёл взгляд обратно на его лицо.

— Меня это не волнует, — холодно бросил он.

— Ясно, — Цэнь Цзин вскинул руки в примирительном жесте. — Считаю, я навязывался.

День и так выдался паршивым, а состояние здоровья не позволяло ему в мокрой одежде стоять посреди ночи в коридоре и выяснять отношения. Он молча прошёл мимо Хэ Цыдуна, вытирая на ходу волосы полотенцем.

— Слева, вторая дверь, — донёсся ему в спину голос Хэ Цыдуна.

Цэнь Цзин остановился и обернулся.

Хэ Цыдун тоже повернулся к нему.

— Когда закончишь, вытри пол в коридоре.

Цэнь Цзин сделал два глубоких вдоха.

— Знаю, можешь не напоминать, — выдавил он фальшивую улыбку.

«Когда этот человек по-настоящему жесток, в мире вряд ли найдутся слова, чтобы это описать. Я могу оставаться равнодушным лишь потому, что не люблю его. Но как, скажите на милость, как прежний владелец этого тела мог так долго терпеть подобное? Каким же нужно быть мазохистом? Это вызывает почти восхищение».

Комната, на которую указал Хэ Цыдун, оказалась гостевой, и, к счастью, горячая вода там была. Цэнь Цзин наконец смог нормально вымыться. Переодевшись в чистую пижаму, он всё равно ощущал лёгкий озноб.

«Держись, — вздохнул он. — Только не простудиться».

Возвращаясь к себе, он снова прошёл мимо кабинета. Свет под дверью всё ещё горел, свидетельствуя о том, что Хэ Цыдун продолжал работать и в три часа ночи.

Хотя они и не питали друг к другу тёплых чувств, Цэнь Цзин не мог не признать, что этот человек был безжалостен не только к другим, но и к себе. Иначе как бы он добился такого успеха?

Цэнь Цзин уже собирался уходить.

Дверь кабинета щёлкнула и снова открылась. Они с Хэ Цыдуном столкнулись взглядами.

Цэнь Цзин заметил, как тот первым делом посмотрел на пол, и не сдержал раздражения.

— Не волнуйся, вытру.

Хэ Цыдун окинул его взглядом и, развернувшись, бросил:

— Заходи.

Цэнь Цзин замер, не уверенный, что обращаются к нему.

— Ты меня зовёшь? — уточнил он.

— Да.

Не понимая, что этому человеку от него нужно, Цэнь Цзин после секундного колебания всё же вошёл в кабинет.

Он был здесь впервые. Обычно в личное пространство Хэ Цыдуна никто из домашних, кроме уборщицы, заходить не решался.

Книжные стеллажи уходили под самый потолок. Цэнь Цзин окинул их взглядом и отметил, что библиотека была обширной и тщательно каталогизированной. В комнате поддерживалась комфортная температура, а пол устилал мягкий тёмно-коричневый ковёр с затейливым узором. На рабочем столе светился экран компьютера, рядом высилась стопка документов.

Работа Хэ Цыдуна его не интересовала. Он подошёл ближе и спросил:

— У тебя ко мне дело?

Хэ Цыдун, открыв какой-то шкаф в углу, достал пару серых тапочек и, подойдя, бросил их к ногам Цэнь Цзина.

Цэнь Цзин молчал.

— Надень, — приказал Хэ Цыдун.

— Ты уверен? — переспросил Цэнь Цзин.

Он всерьёз подозревал, что это какой-то новый изощрённый способ унижения. Человек, который требовал вытереть несколько капель воды с пола, теперь не только позволяет ему топтать босыми ногами свой драгоценный ковёр, но и предлагает тапочки? Прошло ли хотя бы десять минут?

Хэ Цыдун вернулся к столу и, открыв ящик, бросил на стол небольшой пакет.

— Это лекарства, — сказал он, усаживаясь в кресло. — Надень тапочки, возьми их и уходи. Впрочем, если ты твёрдо решил умереть, считай, я ничего не говорил.

Цэнь Цзин чувствовал усталость — не только физическую, но и моральную. Разговоры с Хэ Цыдуном выматывали. Он молча сунул ноги в тапочки, подошёл к столу и взял пакет. Просмотрев содержимое, он обнаружил обычные лекарства: от простуды, жара, расстройства желудка.

Ничего не понимая, он опёрся о стол, перевёл взгляд с лекарств на Хэ Цыдуна и спросил:

— Что ты, в конце концов, хочешь сказать?

— Ты в зеркало смотрелся? — неожиданно спросил Хэ Цыдун.

— В зеркало?

— Я видел много людей, — сказал Хэ Цыдун, глядя ему в лицо. — В том числе мёртвых и умирающих. Они выглядят примерно как ты сейчас.

Цэнь Цзин безмолвствовал.

«Это он меня так проклиняет, что ли?»

Выражение лица Хэ Цыдуна не стало мягче. В его глазах Цэнь Цзин выглядел ничуть не лучше, чем десять минут назад: бледный как бумага, с острыми ключицами, видневшимися в вырезе пижамы. И даже в таком состоянии этот человек умудрился принять ледяной душ и разгуливать босиком по коридору.

Хэ Цыдун не помнил, всегда ли Цэнь Цзин выглядел как привидение, но сейчас это зрелище почему-то раздражало. Даже если это была очередная уловка, чтобы вызвать жалость, это раздражение, появившееся с первой секунды их встречи, было настоящим. И он не мог его игнорировать.

Цэнь Цзин, кажется, начал догадываться, к чему тот клонит.

— Ты... беспокоишься обо мне? — спросил он.

— Какая самонадеянность.

Цэнь Цзин, не обращая внимания на его тон, придвинул стул и с облегчением опустился на него. Уютное кресло помогло справиться с подступающей дурнотой. Он никогда бы не признался, что от нескольких минут на ногах у него закружилась голова. Вероятно, это было следствием голода и низкого сахара в крови.

— Если хочешь умереть — пожалуйста, — сказал Хэ Цыдун. — Но не в этом доме. Я дал тебе лекарства лишь потому, что не собираюсь среди ночи вызывать скорую и на следующий день украшать собой заголовки газет.

— Можешь не объяснять, я так и не думал, — ответил Цэнь Цзин.

Он покачался на стуле.

«Да, прежний владелец этого тела умер не здесь».

Он отчётливо помнил описание его последних дней из книги. Крошечная съёмная комната площадью не более двадцати квадратных метров, кишущая тараканами и мышами, с паутиной по углам. Он лежал на раскладушке и там закончил свой жизненный путь. До самого конца он ненавидел многих: семью Цэнь, «белый лунный свет», тех, кто когда-то презирал и унижал его. Но тот, кого он добивался всю жизнь самыми подлыми способами, был единственным, о ком он не жалел до смертного часа.

Читатели назвали это высшей степенью собачьей преданности. Находить удовольствие в унижении и делать это добровольно, без ропота.

Но теперь Цэнь Цзин стал им.

Однако, в отличие от книги, в этой реальности у него не было даже шанса лечь в постель Хэ Цыдуна. Он в одиночку доиграл свой спектакль, финал истории, в которой существовал только он и его выдуманный, идеализированный Хэ Цыдун.

Именно потому, что Цэнь Цзин всё это знал, он понимал: его предшественник никогда настоящему не существовал в сердце человека, сидящего сейчас перед ним. Тот, книжный Цэнь Цзин, возможно, и был лишь плодом воображения, но этот Хэ Цыдун был настоящим. Поэтому Цэнь Цзин трезво оценивал ситуацию и не питал иллюзий, что чем-то отличается от своего предшественника. Он не был настолько самовлюблён, чтобы поверить, будто Хэ Цыдун отнесётся к нему иначе.

В кабинете Хэ Цыдуна витал тонкий аромат, не похожий на духи, но и не просто запах книжных страниц. Приятный, немного напоминавший запах самого Хэ Цыдуна.

Цэнь Цзин опёрся подбородком на руку и наблюдал, как Хэ Цыдун снова погрузился в работу. Он не спешил уходить: в кабинете было тепло и уютно, и это чем-то напоминало ему долгие ночные бдения в его старом адвокатском офисе.

Вытирая волосы, Цэнь Цзин спокойно сказал, глядя на профиль Хэ Цыдуна:

— Как бы то ни было, спасибо за лекарства и тапочки.

Хэ Цыдун оторвался от работы и посмотрел на него.

Цэнь Цзин, сохраняя ту же позу, лениво зевнул.

— Лекарства мне не нужны, я выпил свои от желудка перед душем, боюсь, от такого коктейля я точно умру. А тапочки... мои промокли, а другие я не нашёл. Я их постираю и верну.

Он говорил это для себя, не заботясь о том, слушает ли его Хэ Цыдун. Закончив, он наконец поднялся.

— Кстати, — вспомнил он, — вызови завтра кого-нибудь посмотреть бойлер.

Хэ Цыдун молча смотрел на него.

Цэнь Цзин вдруг хлопнул себя по лбу.

— А, понял. Скажу дяде Чжуну.

Он и впрямь посреди ночи начал заговариваться. С чего он взял, что Хэ Цыдун будет решать такие проблемы?

— Я спать, — махнул он рукой. — Ушёл.

Он вышел, шаркая тапочками, и прикрыл за собой дверь.

Цэнь Цзин не заметил, что после его ухода Хэ Цыдун так и не вернулся к работе. Он молча сидел перед компьютером, и синий свет экрана отбрасывал резкие тени на его волевое лицо. Никто не знал, о чём он думал в этот момент.

На его телефоне, лежавшем рядом, час назад появилось сообщение.

Отправитель: Чжун Цзылян.

Содержание было простым.

«Брат, это Цэнь Цзин звонил тебе сегодня с моего телефона. Ответил брат Вэньхой».

«У меня всё нормально, я сейчас у Цэнь Цзина. Скажи моему отцу, что я уехал на пару дней, чтобы он не волновался и не задавал лишних вопросов».

На следующий день Цэнь Цзин, как и ожидалось, слёг с температурой.

Он проснулся уже после девяти утра. Погода была под стать его состоянию — за окном шёл дождь. Горло болело так, будто он глотал лезвия.

Когда он, спотыкаясь, встал с кровати, в комнату вошла тётя Чэнь со стаканом молока.

— Куда ты собрался? — встревоженно спросила она. — У тебя же жар.

— Знаю, — улыбнулся Цэнь Цзин. — Ничего страшного.

— Как это ничего страшного?

Тётя Чэнь подошла, поставила молоко на тумбочку и усадила его обратно в постель.

— Всю ночь горел, мы тебя разбудить не могли, — сказала она, неодобрительно качая головой и трогая его лоб. — Если бы Цыдун утром не зашёл к тебе, ты бы, наверное, до вечера так провалялся и с ума сошёл от жара.

Цэнь Цзин чуть не поперхнулся молоком.

— Хэ Цыдун... заходил?

— Да, — кивнула тётя Чэнь. — Около семи утра. Он спустился и сказал, что у тебя температура, так мы и узнали.

Цэнь Цзин молчал. Он дотронулся до своего лба — действительно горячий. Но мысль о том, что Хэ Цыдун был в его комнате, а он ничего не заметил, казалась невероятной.

«Зачем он приходил?»

— Скоро приедет врач, сделает тебе капельницу, — продолжала тётя Чэнь. — Я тебе бульон сварила, поешь, а потом выпьешь лекарство.

Спорить было бесполезно, и Цэнь Цзин позволил уложить себя обратно под одеяло.

— Спасибо, тётя Чэнь. Вы лучшая.

— Вот если бы вы оба были послушными, тогда бы я была лучшей, — притворно нахмурилась она. — Особенно ты.

— Да-да, обещаю исправиться.

Тётя Чэнь, довольная, проследила, чтобы он допил молоко, и, похлопав его по руке, с улыбкой добавила:

— А Цыдун-то, оказывается, умеет заботиться.

Улыбка Цэнь Цзина застыла.

— Вы уверены? — выдавил он.

— А что тут сомневаться? Не знаю, что вы там не поделили, поженились, а живёте отдельно. Но я вижу, что Цыдун меняется. И о тебе беспокоится, и врача он вызвал.

Цэнь Цзин мог лишь выдавить из себя подобие улыбки.

«Хорошо, что тётя Чэнь не слышала, что Хэ Цыдун говорил вчера вечером. Он просто боится, что я умру в его доме, вот и вызвал врача».

Цэнь Цзин уже догадывался, кто именно приедет, поэтому, когда на пороге появился Вэй Линьчжоу, он не удивился. Они уже встречались однажды, здесь же, на вилле. К счастью, сегодня обошлось без Цзян Чуаня и Яо Вэньюя. Хэ Цыдун, по всей видимости, уехал на работу.

— Как себя чувствуешь? — с порога профессионально поинтересовался Вэй Линьчжоу, ставя на пол медицинский саквояж.

— Вполне сносно. Спасибо, что приехали, — улыбнулся Цэнь Цзин.

— Не стоит, это моя работа, — ответил Вэй Линьчжоу с ответной улыбкой.

Цэнь Цзин отметил, что Вэй Линьчжоу был первоклассным лицемером. В книге он описывался как человек, который мастерски скрывает свои истинные чувства. С каждым он говорил на его языке. И хотя Цэнь Цзин догадывался, что тот о нём невысокого мнения, сейчас они выглядели как образец гармонии: врач был врачом, а пациент — пациентом.

— Обычная вирусная инфекция, вызвала небольшое воспаление, — сказал Вэй Линьчжоу, умело подготавливая капельницу. — Прокапаем эти два флакона. Если жар не спадёт, советую съездить в больницу.

— Хорошо, — кивнул Цэнь Цзин. — У вас сегодня не много работы, доктор Вэй?

— Более-менее, — Вэй Линьчжоу искоса, с лёгкой усмешкой, посмотрел на него. — А вы весьма

вовремя заболели. Завтра ведь официально начинается процесс поглощения «Шиду».

Цэнь Цзин на мгновение замер, вспомнив, что завтра вторник. Он тут же понял, что слова Вэй Линьчжоу были с подтекстом.

— Даже если я болен, — сказал он, откидываясь на подушки и расслабляясь, — такое важное событие я пропустить не могу. Не так ли, доктор Вэй?

Вэй Линьчжоу, закрепляя иглу пластырем, лишь улыбнулся в ответ, ничего не сказав. Руки у него были прохладными, с длинными, красивыми пальцами.

Вэй Линьчжоу впервые так близко рассматривал Цэнь Цзина. Тот только проснулся, волосы были в беспорядке. Из-за болезни лицо было бледным, но даже так черты его складывались в поразительно красивую картину.

«Почему я раньше не замечал, что он так хорош собой? — с удивлением подумал Вэй Линьчжоу. — Чёрт, что за наваждение?»

Закончив с Цэнь Цзином, Вэй Линьчжоу, выйдя из дома, тут же набрал Хэ Цыдуна.

— Ну как он? — спросил тот.

— Никак, — ответил Вэй Линьчжоу, садясь в машину и захлопывая дверь. — Ты хоть представляешь, насколько я занят? Я, хирург с мировым именем и безупречной репутацией, по твоему звонку срываюсь, чтобы поставить капельницу больному с температурой. Тебе не кажется, что это как из пушки по воробьям?

— Я просил прислать кого-нибудь, а не приезжать лично, — отрезал Хэ Цыдун.

— Когда это вы, господин Хэ, кого-то о чём-то просили? — не унимался Вэй Линьчжоу. — Конечно, я должен был приехать сам. Но, если честно, я заметил, что этот Цэнь Цзин сильно изменился.

— В каком смысле? — спросил Хэ Цыдун. Судя по звукам на фоне, он с кем-то разговаривал, одновременно отвечая на звонок.

Вэй Линьчжоу к этому привык.

— Стал... красивее? — после долгой паузы выдал он.

На том конце воцарилось молчание.

«Чёрт, что за дурацкое ощущение?» — подумал Вэй Линьчжоу. Ему не хватало слов, чтобы описать свои впечатления. Сказать что-то конкретное не получалось, но и промолчать было бы неправильно.

— Понял, — сказал Хэ Цыдун. — Отбой.

— Эй... — Вэй Линьчжоу уставился на погасший экран телефона. — Что ты понял?!

Говорят, болезнь приходит как лавина, а уходит, как нить вытягивают. Простуда Цэнь Цзина после дня капельниц почти не отступила, но, по крайней мере, проведя весь день в постели, он почувствовал, что горло болит уже не так сильно.

Вечером Хэ Цыдун снова вернулся на виллу. С ним был его помощник, Гао Ян. Цэнь Цзин знал его — один из тех, кто был с Хэ Цыдуном с самого начала. Сложный, многозадачный, правая рука босса, такой же немногословный и жёсткий.

Когда они вошли, Цэнь Цзин сидел на диване и смотрел телевизор. На экране, в передаче вроде «В мире животных», три леопарда терзали раненого буйвола. Цэнь Цзин, полуприкрыв глаза, казалось, вот-вот уснёт. Он обнимал подушку, волосы были распущены. Услышав звук открывающейся двери, он лениво приподнял веки.

— Вернулся.

— Угу.

Гао Ян, шедший за Хэ Цыдуном, замер в недоумении.

Из кухни, вытирая руки о фартук, вышла тётя Чэнь.

— Гао Ян, приехал! Оставайся на ужин, мы сегодня лепим пельмени, Цзин сказал, у него нет аппетита.

— Побольше со свининой и капустой! — крикнул Цэнь Цзин с дивана.

— Знаю, знаю, — донеслось из кухни, сопровождаемое смехом.

На мгновение Гао Яну показалось, что он ошибся адресом. Он растерянно посмотрел на своего босса. Но тот, с тем же знакомым выражением лица, казалось, не находил в происходящем ничего странного. Вешая пальто, он даже мельком взглянул на экран телевизора.

Гао Ян мысленно упрекнул себя за излишнюю впечатлительность. Он и раньше часто бывал в этом доме, в самое разное время. Но, несмотря на обилие прислуги, здесь всегда царила холодная, отчуждённая атмосфера. Совсем не то, что сейчас: на кухне кипит работа, во дворе дядя Чжун отчитывает нового садовника.

А особенно — вот этот, в гостиной.

Человек, который не так давно устроил их боссу свадьбу всей его жизни, теперь развалился на диване, как настоящий молодой господин. Смотрит телевизор, лениво переписывается в телефоне, под рукой ваза с фруктами, а на кофейном столике — россыпь разноцветных конфет.

Это был не тот человек, которого он знал. И уж точно не тот, кто, по слухам, пару дней назад избил старшего сына семьи Цэнь.

— Отнеси документы наверх, в кабинет, — сказал Хэ Цыдун.

Гао Ян очнулся и, кивнув, пошёл наверх. Он заметил, что босс, который обычно сразу уходил работать, на этот раз остался внизу. Спустившись, он увидел, что тот стоит у входа и говорит по телефону. Закончив разговор, Хэ Цыдун подошёл к дивану и сел на другой его конец.

Цэнь Цзин повёл себя ещё более поразительно.

Ему было лень двигаться, и, почувствовав, что кто-то сел рядом, он просто подтолкнул коленом вазу с фруктами, мол, угощайся.

Хэ Цыдун и вправду взял мандарин и начал его чистить.

— Всё ещё болееешь?

— Ты думаешь, это ракета? — без особого энтузиазма ответил Цэнь Цзин. — Так быстро не пройдёт.

— Можешь завтра не ехать.

— Не волнуйся, я там буду.

Хэ Цыдун бросил кожуру на столик и искоса посмотрел на него.

— Как хочешь. Я завтра с утра сначала в офис.

— Не вместе поедем?

— За тобой заедет Гао Ян.

— А, — только и сказал Цэнь Цзин.

Гао Ян, которого только что поставили перед фактом, молчал.

Хэ Цыдун, похоже, не замечал ошеломлённого состояния своего помощника. У него было другое жильё, но последние несколько дней он по привычке приказывал водителю ехать сюда. Он не пытался анализировать, почему.

Человек рядом с ним был в тонком свитере, сидел, поджав ноги, обнажая тонкую лодыжку. Хэ Цыдун нахмурился, но ничего не сказал.

Вместо этого Цэнь Цзин, листавший что-то в телефоне, вдруг резко сел. Он посмотрел на Хэ Цыдуна.

— У меня тоже есть условие по поводу завтрашнего дня.

— Какое?

— Отдай видео, — сказал Цэнь Цзин, протягивая руку. — Или удали его при мне.

Хэ Цыдун на пару секунд замер, не сразу поняв, о чём речь. Когда же до него дошло, лицо его потемнело.

<http://bllate.org/book/13436/1196233>